

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

M 9
150

А. И. АККЕРМАН.

801-17
3487

С У Д
НАД ПРОСТИТУТКОЙ
И
СВОДНИЦЕЙ

Дело гражд. Евдокимовой, по обвинению в сознательном заражении сифилисом и гражд. Свиридовой в сводничестве и сообщничестве

3989

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЗДРАВА

МОСКВА—1925

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Председатель суда.

Представитель общественного обвинения (*обвинитель*).

Представитель общественной защиты (*защитник*).

Члены суда 2 (*рабочие*).

Обвиняемые: Евдокимова Зинаида, женщина 20 лет, милостивая, волосы повязаны шарфом. Голос глухой, надтреснутый.

Свиридова Акулина, неграмотная пожилая женщина лет 50, одета неряшливо, говорит громко с достоинством, в словах хитрость, часто крестится. Хочет показать, что привлечена к ответственности случайно, по наговору.

Свидетели: Климов Степан, потерпевший. Рабочий 23 лет, дает показания осмысленно и вместе с тем робко. Служит чернорабочим на железной дороге.

Лыткин Василий—родственник Климова. Человек старого закала, торговец; мужчина 40 лет.

Евдокимов Сергей—брат подсудимой 35 лет. Рано состарившийся, малосознательный рабочий кустарь, утомленный работой и жизнью. Моментами чрезвычайное возбуждение сменяется покоем, доходящим до тупого равнодушия.

Фокина Татьяна, 50 лет. Грамотная, разбитная гражданка, бывшая торговка, прожившая всю жизнь в большом городе. Служит дворником в доме, где проживают Евдокимова и Свиридова.

Врач—эксперт.

Секретарь суда.

2014087986

Главлит 39.027.

Тираж 10.000.

Военная Типография Главн. Упр. РККА. Знаменка, 23.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На сцене заседание Народного Суда. В центре большой стол, позади которого три кресла для председателя и членов суда. Справа к столу придвинут стол секретаря. Слева у авансцены стол защиты, а справа стол обвинения. У стола защиты немного глубже скамья для подсудимых. В глубине сцены, у задней ступи скамья для свидетелей. Справа стул для эксперта. Члены суда выходят через дверь, находящуюся слева, а свидетели через дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

На сцене все свидетели, защита, обвинение, экспертиза. Занимают свои места. Входит секретарь и занимает свое место. Просматривает бумаги на столе.

Секретарь. Потерпевший Климов здесь?

Климов. Здесь.

Секретарь. Свидетели: Лыткин здесь?

Лыткин. Здесь.

Секретарь. Евдокимов здесь?

Евдокимов. Здесь.

Секретарь. Фокина здесь?

Фокина. Здесь.

Секретарь. Эксперт-врач (называет фамилию) здесь?

Эксперт. Здесь.

(Секретарь уходит в левую дверь, через несколько секунд возвращается).

Секретарь. Суд идет, прошу встать! (Все встают).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

(Входят: председатель суда, два члена суда и занимают свои места).

Председатель. Именем РСФСР объявляю заседание суда открытым. Прошу сесть *(все садятся)*. Слушается дело по обвинению гражд. Евдокимовой в сознательном заражении сифилисом рабочего Степана Климова и гражд. Свиридовой в сводничестве и сообщничестве. Свидетели, вызванные по делу, все явились? *(Говорит обращая последние слова к секретарю).*

Секретарь. Все.

Председатель. Попросите свидетелей к столу.

Секретарь. Свидетели, прошу вас подойти к столу. *(Свидетели едут и подходят к столу).*

Председатель. Свидетели, помните, что на суде вы все должны показывать по чистой совести, не считаясь ни родством, ни дружбой. Даете ли в этом обещание?

Свидетели. *(все вместе)*. Даем.

Председатель. Подпишите это обещание. *(Все подписывают)*. Секретарь, уведите свидетелей в свидетельскую комнату и введите обвиняемых.

Секретарь. Свидетели, прошу за мной *(уходит вместе со свидетелями через дверь направо, возвращается на сцену и уходит через левую дверь. Через несколько секунд возвращается оттуда вместе с обвиняемыми)*.

Обвиняемые, вот ваше место. *(Обвиняемые занимают свои места)*.

Председатель. Обстоятельства дела таковы *(читает)*: 24-го июня 1924 г. в Народный Суд г. Москвы поступила жалоба, от рабочего Александровской железной дороги Климова Степана, на проживающих в Москве по Большому Сухаревскому пер. в доме № 43, кв. 4 гражданок Акулину Свиридову и Зинаиду Евдокимову в том, что Свиридова свела его со своей племянницей

Евдокимовой, занимающейся проституцией, которая, зная у себя наличие болезни, заразила его сифилисом. Заражение произошло 20-го мая. Рабочий Климов просит привлечь к законной ответственности гражданку Евдокимову, как проститутку, сознательно заражающую граждан сифилисом, и гражданку Свиридову, как сводницу. Обвиняемая, ваше имя? *(Обращается к Евдокимовой)*.

Евдокимова. Зинаида.

Председатель. Отчество.

Евдокимова. Ивановна.

Председатель. Фамилия?

Евдокимова. Евдокимова.

Председатель. Где вы родились?

Евдокимова. В Тамбовской губ., в селе Ивановке.

Председатель. Сколько вам лет?

Евдокимова. 20 лет.

Председатель. Чем занимаетесь?

Евдокимова. Служу уборщицей в 1-й трудовой школе.

Председатель. Вы признаете себя виновной в том, что сознательно заразили сифилисом рабочего Климова?

Евдокимова. Нет, не признаю.

Председатель. Садитесь. *(Евдокимова садится)*.

Обвинитель. Разрешите задать вопрос? *(Председатель кивает головой)*. Гражданка Евдокимова, сколько лет вы занимаетесь проституцией?

Евдокимова. Я проституцией не занимаюсь.

Обвинитель. Скажите, по какому разряду вы получаете жалованье?

Евдокимова. Получаю 12 рублей.

Обвинитель. Вам хватало на жизнь ваше жалованье?

Евдокимова. Не хватало, конечно. Разве на такое жалованье проживешь.

Обвинитель. Где же вы добывали себе еще деньги?

Евдокимова. Кое-какие вещи свои продавала, а в общем плохо приходилось.

Обвинитель. Вы давно служите?

Евдокимова. Месяца 4—5 *(говорит с раздумьем)*.

Обвинитель. А чем вы занимались до службы?

Евдокимова. Папиросами торговала, а еще раньше, только давно это было, служила в воинской части прачкой, да ушла—сократили меня, больше торговала.

Защитник. Разрешите задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Защитник. Скажите, вы давно знакомы со Свиридовой?

Евдокимова. С ней-то, еще когда папиросами торговала, на рынке как-то познакомилась. Я в то время еще у брата жила, а как у брата оставаться больше нельзя было, я к ней и перебралась. Свиридова меня приняла, так мы вместе и жить начали.

Защитник. Скажите, гражданка Евдокимова, вы знали, что больны сифилисом?

Евдокимова. Конечно, нет. Если бы знала, лечилась бы.

Защитник. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Садитесь, обвиняемая. *(Евдокимова садится)*. Обвиняемая Свиридова *(она встает)*, ваше имя?

Свиридова. Акулина.

Председатель. Отчество.

Свиридова. Семеновна.

Председатель. Фамилия.

Свиридова. Свиридова.

Председатель. Вы замужем?

Свиридова. Девица.

Председатель. Где родились?

Свиридова. Здесь и рожденная в Москве, здесь и помирать видно буду, а уж по судам и вовсе в первый раз бегать пришлось.

Председатель. Обвиняемая, прошу вас отвечать только на вопросы.

Свиридова. В Москве рожденная, ведь, я сказала.

Председатель. Чем вы занимаетесь?

Свиридова. Сейчас чем бог пошлет: перебиваюсь. Мое дело сиротское, по старым знакомым хожу, кому подстирну, кому приберу; в церкви за псаломщика служу, ну нет, нет, да от батюшки что-нибудь и перепадет.

Обвинитель. Разрешите задать вопрос.

Председатель. Пожалуйста.

Обвинитель. Скажите, гражданка Свиридова, а чем вы занимались до революции?

Свиридова. Раньше? раньше-то меня, батенька, и рукой достать нельзя было, были у меня на Земляном валу номера меблированные с полным пансионом.

Обвинитель. Подсудимая, вы не можете припомнить, кто жил у вас в номерах?

Свиридова. Всякие жили, разве их упомянуть.

Обвинитель. Скажите,—а девушки жили у вас.

Свиридова. Девушки... жили, почему им не жить. *(Живо)*. Да, ведь, это, почитай, всей Москве известно, что акромья Акулины Семеновны никто из беды не выведет, как у какой служба окончится или еще беда какая приключится, так и бежит, я ее и оголублию и оправлю.

Обвинитель. И что-же, вы даром это все для них делали?

Свиридова. Ну, конечно, задолжает, а потом как дело какое подвернется, отдаст часть там, али все.

Обвинитель. Скажите, гражданка Свиридова, вы вместе жили с Евдокимовой?

Свиридова. Как же, вместе жили, как родные мож

сказать, вместе-то ведь и лучше жить и легче.

Председатель. Вы признаете себя виновной в том, что занимались сводничеством?

Свиридова. Вот, как перед истинным Богом *(шепчет)*, врут все на меня, да разве я позволю

только за простоту свою страдаю.

Председатель. Садитесь, обвиняемая (*Свиридова садится*). Я предлагаю следующий порядок разбора дела: сначала допросить потерпевшего, затем его родственника Лыткина, дворничиху дома, где проживают Евдокимова и Свиридова, Фокину и брата обвиняемой Евдокимова.

Обвинитель. Не возражаю.

Защитник. Ничего не имею против.

Председатель. Тов. секретарь, попросите потерпевшего Климова.

Секретарь. (*Подходит к правой двери*). Свидетель Климов, пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

(*Те же и Климов*).

Председатель. Ваше имя?

Климов. Степан.

Председатель. Отчество?

Климов. Николаевич

Председатель. Фамилия?

Климов. Климов.

Председатель. Где вы родились?

Климов. В селе Борисове, Ардатовского уезда, Симбирской губернии.

Председатель. Сколько вам лет?

Климов. 23 года.

Председатель. Чем вы занимаетесь?

Климов. Рабочий Александровской железной дороги, только я недавно служу. Как меня демобилизовали, так я тут вскорости и поступил.

Председатель. Под судом были?

Климов. Нет.

Председатель. Гражданин Климов, скажите, вы знаете эту женщину? (*Указывает на Евдокимову*).

Климов. Как же. Ведь, от нее я сифилисом заразился!

Председатель. (*Обращается к Евдокимовой*). Обвиняемая, гражданин Климов был у вас?

Евдокимова. (*встает*). Никогда не был (*говорит злобно и нагло*). Я его в первый раз вижу!

Климов. (*говорит возмущенно негодуяще*). Как же, в первый раз, что уже и забыла?

Евдокимова. Ну да, никогда не был. Это он все врет!

Климов. (*порывается говорить, но председатель его удерживает*).

Председатель. Подсудимая Свиридова, вы знаете этого гражданина?

Свиридова. (*говорит нерешительно*). Стара стала, что-то не упомню. Разве всякого знать будешь. Может быть, когда и говорила...

Председатель. Гражд. Климов, что вы можете показать по данному делу?

Климов. Что могу показать? Я могу рассказать, как все это было.

Председатель. Ну вот и расскажите.

Климов. Это было 20 мая. Пошел я вечером с моим родственником в город погулять: надо было отпраздновать, что место получил, в городе устроился. А в городе-то я почти что никогда не бывал и очень хорошим мне все показалось. Зашли в пивную, выпили, а потом на бульвар пошли. Цветной называется. Сели на лавочку, поговорили. Сидели, сидели, тут к нам и подседа вот эта гражданка Свиридова. Подседа и стала заговаривать; говорит, что моего родственника знает, на вокзале, мол, торгует. То да се, да как живется.. Ну, а мы как были немного навеселе, так и разговорились. Стала говорить, что все теперь к старому возвращается—и выпить можно и весело время провести. А мой родственник

и скажи: вот, мол, Степан скучает, в деревне невеста осталась, а в городе никого себе найти не может. Тут эта вот самая Свиридова и стала звать к себе чай пить, дома у нее племянница, с ней живет и она нас с ней, мол, познакомит. Мы согласились и пошли. Пришли в Сухарев переулок и там в комнате и встретились с этой вот—гражд. Евдокимовой. Пришли, выпили чаю, Свиридова водки достала; мне с непривычки плохо стало. Часов в 11 Лыткин мне и говорит: „Ну я пойду, а то меня жена заругает, а твое дело молодое, ты как хочешь“. Свиридова тоже стала говорить: оставайся, сынок, оставайся, погуляй еще у нас, гостем будешь. Так и вышло, Лыткин ушел, а за ним и Свиридова ушла куда-то, а я и остался.... Когда я утром уходил, Евдокимова у меня денег попросила—я дал, что у меня было—так рубля 2—3. А через несколько времени после того заболел я. Пошел к нашему доктору, а он признал, что у меня сифилис. Вышло так, что родственнику пришлось сказать об этом. Он мне и посоветовал на них в суд подать, чтобы людей не обманывали и сифилисом не заражали. Я так и сделал, больше ничего сказать не могу.

Обвинитель. Разрешите задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Обвинитель. Вы не помните, через сколько времени после посещения вами Евдокимовой у вас появилась язвочка на половом члене?

Климов. Так недели через 3—4.

Обвинитель. Скажите, вы спрашивали у гражд. Евдокимовой, больна или здорова?

Климов. Спрашивал, да она сказала, что здорова.

Обвинитель. Раньше вы были больны венерическими болезнями?

Климов. Никогда не был. У нас в батальоне каждый месяц были осмотры и меня всегда признавали

здоровым. Да и когда я на службу здесь поступал на железную дорогу, 5-го мая, меня врач осматривал и свидетельство выдал, что я во всем здоровым оказался.

Защитник. Разрешите вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Защитник. Скажите, гражд. Климов, вы часто бывали у женщин во время пребывания вашего в Москве?

Климов. Да в Москве-то я всего два месяца и не до женщин мне было. После, как демобилизовался, прибыл в деревню, а там наше хозяйство подорвалось совсем и делать мне было нечего. Ну, я в город и приехал, место искать....

Председатель. Имеются ли еще вопросы у сторон?

Обвинитель. Я больше вопросов не имею.

Защитник. Я также.

Председатель. Свидетель Климов, садитесь (*Климов садится на место, отведенные для свидетелей*). Тов. секретарь, введите свидетеля Лыткина.

Секретарь (*подходит к правой двери и вызывает*). Гражданин Лыткин, пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

(*Входит Лыткин и подходит к столу*).

Председатель. Ваша фамилия?

Лыткин. Лыткин.

Председатель. Имя?

Лыткин. Василий.

Председатель. Отчество?

Лыткин. Михайлович.

Председатель. Где родились?

Лыткин. Симбирской губернии, Ардатовского уезда, села Борисова.

Председатель. Сколько вам лет?

Лыткин. 40 лет.

Председатель. Где служите?

Лыткин. Я-то работаю по торговой части. У меня будка около вокзала, так, с разной мелочью.

Председатель. Под судом были?

Лыткин. Нет.

Председатель. Что вы можете показать по данному делу?

Лыткин. Дело так было. Вспрыснуть полученное место захотели. Ведь деверем-то он приходится. Ну и приехал ко мне, после как демобилизовался. В деревне плохо было, приехал в город работу искать, а как демобилизованный из железнодорожного батальона, место ему и вышло. Вот, на радостях, и пошли в город. Выпили немного пивца и на бульвар зашли. Сидит грустный наш Степан, вижу, главное ему подружку себе найти. Человек молодой, во время службы женщин не видел, там запугали их разными болезнями, ну вот, и хотел ему хоть какое-нибудь удовольствие доставить. А тут на бульваре и подседа эта женщина (*указывает на Свиридову*), говорит, меня распознала, говорит, что знакомые мы. Я-то сразу и не понял, что за птица она. Не подумал, что врет и меня то верно никогда не видала, да поверил и разговорились. О Степане говорит, во всю жизнь его вникает, обещает со своей племянницей познакомиться. А то вдруг и говорит: да пойдете, говорит, ко мне, время весело проведем, знакомыми будем. Проклятое пиво голову мне и затуманило. Пошли. А там все как по-писанному: и чай и водка и племянница. Сидели, выпили еще малость, Степка наш раскраснелся, вижу—доволен. Впервой ему, так все хорошим кажется.... Этак, часиков в 11 стал я прощаться—мне больше нельзя было оставаться—семья у меня, а Степана я сдуру и оставляю, торопится куда, гуляй еще. Степан и остался—вот как это вышло. Себя-то я чувствую виноватым, как это я проморгал—с какими людьми мальчишку познакомил.

Председатель. Вы хорошо знаете гражд. Климова?

Лыткин. Я знаю его с самого измальства. Мы, ведь, из одного села не видал я его года три, а раньше того мы с ним частенько видались, ведь, я часто к себе домой езжу. Я знаю, он парень хороший, честный, работающий. Он у меня вот уже два месяца живет, и хоть бы чего, парень тихий, скромный. Только после знакомства с Евдокимовой, стал он ни с того ни с сего задумчивый какой-то. С работы придет унылый такой, рожа постная—смотреть тошно, да и на работу стал ходить с лентой, рад пропустить день; ну, думаю что же это такое так и с места прогнать могут. Вижу, таит он в себе что-то, допытываюсь у него, спрашиваю, в чем дело, отчего такой стал, почему к своей знакомой не пойдет. Это его и задело. Тут он мне все и рассказал. Признался, что заразился сифилисом от Евдокимовой и что ему так тяжело, что руки на себя наложить готов. Я стал его уговаривать, упрашивать. Мы тоже, ведь, не в лесу живем—знаем, что и от этой болезни можно вылечиться, читал я как-то в газете, там и говорилось, что эта болезнь излечима и вовсе не позор, а больше несчастье, лечиться только нужно. Я с ним долго говорил—ведь, как никак и я тоже в этом деле замешан,—он мне дал слово лечиться. А чтобы та и другим горя не приносила, посоветовал я ему на Евдокимову и на Свиридову в суд подать.

Председатель. Не припомните ли, свидетель, через сколько времени после встречи вашей с гражданкой Евдокимовой ваш родственник признался, что он болен?

Лыткин. Недели через... через четыре.

Председатель. Имеются ли вопросы у сторон?

Обвинитель. Скажите, вам не показалась Евдокимова подозрительной?

Лыткин. Нет, все как будто было по-хорошему; только Свиридова попросила для веселья за водкой послать; я, что же, не поспешил, дал денег и мы вышли за их здоровье.

Обвинитель. Разрешите задать вопрос обвиняемой?

Председатель. Пожалуйста.

Обвинитель. Гражд. Евдокимова, этот гражданин был у вас когданибудь на квартире?

Евдокимова. *(Встает)*. Нет, не был.

Обвинитель. Вы его знаете?

Евдокимова. Нет, не знаю.

Обвинитель. Вы его никогда не видели?

Евдокимова. Никогда.

Обвинитель. Гражд. Лыткин, это те самые женщины *(указывает на Евдокимову и Свиридову)*, у которых вы были с вашим родственником на квартире?

Лыткин. Ну, конечно, те самые *(говорит возмущенно)*.

Обвинитель. Я больше вопросов не имею.

Защитник. Разрешите задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Защитник. Скажите, свидетель; вы не знаете был ли болен венерическими болезнями гражд. Климов?

Лыткин. Нет, не был. Ведь, он проходил осмотр при приеме на место, а поступил он в начале мая. Он пришел такой радостный и говорит—ну, все хорошо, долго смотрели, свидетельство получил, всем здоровый вышел.

Защитник. Я больше вопросов на имею.

Председатель. Садитесь, гражд. Лыткин *(Лыткин садится)*. Товар. секретарь, введите свидетельницу Фокину.

Секретарь *(подходит к правой двери и вызывает)* Гр. Фокина, пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

(Те же и Фокина).

(Выход Фокина).

Председатель. Гражд. Фокина, подойдите к столу. Скажите, ваше фамилия — Фокина?

Фокина. Я — Фокина.

Председатель. Ваше имя?

Фокина. Татьяна Федоровна.

Председатель. Какой губернии вы?

Фокина. Мы не из губернии, мы московские.

Председатель. Сколько вам лет?

Фокина. 50 лет.

Председатель. Вы замужем?

Фокина. Вдова.

Председатель. Дети есть?

Фокина. Нет.

Председатель. Ваше социальное положение?

Фокина. Что такое?

Председатель. Чем вы занимаетесь?

Фокина. В дворничихах живу.

Председатель. Что можете показать по делу?

Фокина. Все могу показать, что прикажете.

Председатель. Вы давно знаете гражд. Евдокимову?

Фокина. Как персехала.

Председатель. А когда она в ваш дом переехала?

Фокина. После нового года.

Председатель. Вы знаете чем занимается гражд. Евдокимова?

Фокина. Да служила уборщицей где-то, только у ней еще собственное занятие было.

Обвинитель. Разрешите вопрос. *(Председатель кивает)*. Скажите, свидетельница, о каком собственном занятии гражд. Евдокимовой вы говорите?

Фокина. Известно о каком — подрабатывала на стороне.

Обвинитель. Скажите, бывают мужчины у гражд. Евдокимовой?

Фокина. Каждый вечер.

Обвинитель. Вы сами видели?

Фокина. А то как же. Сами видели.

Обвинитель. Они сами приходят к ней, или она их приводит?

Фокина. Больше эта водит (*указывает на Свиридову, та отворачивается*), а эта только сидит да поджидает.

Обвинитель. А вы замечали, что они оставались у нее на ночь?

Фокина. Раньше не замечала, а потом и заметила, что они на ночь остаются. Раз по утру иду я на кухню, а кухня то у нас общая, вот и увидела, как она тихонько мужчину выпускает.

Обвинитель. Скажите, все время Евдокимова ведет такую жизнь?

Фокина. Да, да, все время.

Обвинитель (*указывая на Климова и Лыткина*). Скажите, свидетельница, эти граждане были у гражд. Евдокимовой?

Фокина. Конечно, были.

Обвинитель. Ведь к Евдокимовой много мужчин ходят, как же вы этих запомнили?

Фокина. Да вот этот (*указывает на Климова*) больно голосом похож на моего брата. Когда он уходил на рассвете, темно еще было, я его даже спросила: Борька, это ты, а он мне сказал, я не Борька, а Степка. Мы с ним тогда и поговорили. (*Обращается к Климову*). Ведь правда?

Климов (*в места*). Правда, бабушка, правда.

Обвинитель. Я больше вопросов не имею.

Председатель (*к защите*). У вас есть вопросы.

Защитник. Скажите, свидетельница, что же Евдокимова богато жила, она много зарабатывала своим трудом?

Фокина. Одевалась она чисто, а денег, денег я у нее не видала, уж очень ее наша барыня жала, а сама она девка хоть и гулящая, а сердце у нее доброе; у нас вот в 14-м номере жила старуха больная, так Зинка ей хлеб покупала, молоко, а уж как она детишек любит и сказать нельзя...

Защитник. А что вы можете сказать о гражданке Свиридовой?

Фокина. Хорошего сказать нечего; вы не глядите, что она губки поджимает, да глаза к небу, ехидная она женщина, злющая; я знаю, что не первую она девченку портит и не последнюю, только и знает, что над человеком измывается.

Защитник. Чем же она измывалась над Евдокимовой?

Фокина. Как чем? Сначала подкатилась, как шелковая, а потом каждому проходивцу продавала.

Защитник. Мне больше эта свидетельница не нужна.

Председатель (*Секретарю*). Попросите свидетеля Евдокимова (*свидетельница*). Гражд. Фокина, садитесь. (*Фокина садится на места для свидетелей*).

Секретарь (*подходит к правой двери и вызывает*) Гражд. Евдокимов, пожалуйста.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

(*Евдокимов входит*).

Председатель. Ваше имя?

Евдокимов. Сергей.

Председатель. Отчество?

Евдокимов. Иванович.

Председатель. Фамилия?

Евдокимов. Евдокимов.

Председатель. Где вы родились?

Евдокимов. В селе Ивановке, Козловского уезда, Тамбовской губернии.

Председатель. Женаты?

Евдокимов. Холост.

Председатель. Чем занимаетесь?

Евдокимов. Я столяр.

Председатель. Что можете показать по делу?

Евдокимов. Как отец наш, значит, помер, Зине было 16 лет. Тут у нас и пошли недохватки, ссоры, ругань; Зинка и не схотела на нашей шее сидеть, девченка всегда была упрямая, гордая. А здесь, как на грех, одна ее подружка поступила в прачки к военным и ее туда пристроила. Спервоначала мы с матерью, ничего, довольны были: служит, работает, паек получает. Мать, правда, того опасалась, чтобы не избаловалась, да ничего такого не замечали, она строгая у нас была. В один день, вдруг, приходит и говорит, что приказ вышел, и их всех женщин из частей уволили... Наши достатки сами знаете какие; стал я для нее дело придумывать и придумал, чтоб она папиросами торговала. Сначала ничего, понравилась ей, работает, как будто довольна своей жизнью. А тут, вдруг, затихла вся, ходит понурая, уже думали, не больна ли. Вот, в один день, пришла она с базара и правду мне всю и бухнула: что слюбилась она в прачках с военным, полюбила его, значит, ужасно, а он, мерзавец, уехал по переводу и бросил ее, и что ожидать теперь она должна ребенка. Как обухом меня по голове ударили. Ну думаю, как быть, что делать с ребенком, как родится. Люди то мы темные, несведующие, стыдно стало—осерчал здорово—и выгнал ее. Как девку с ребенком дома держать—соседи засмеют, прохода ни нам, ни ей не дадут. Ушла от нас и долго мы об ней ничего не

слыхали, а потом мы с матерью уже стороной узнали, что до бульвара она дошла...

Председатель. Вопросы имеются у сторон?

Обвинитель. Да, имеются. Вы сказали, свидетель, что ваша сестра дошла до бульвара, вы хотите сказать, что она занимается проституцией?

Евдокимов. Как это называется—не знаю точно. Только приходили к матери знакомые и говорили, что Зинка наша гулящей стала, с бабой какой-то живет и та ей мужчин приводит.

Обвинитель. Разрешите задать вопрос обвиняемой.

Председатель. Пожалуйста.

Обвинитель. Гражд. Евдокимова, вы слышали, что сказал сейчас ваш брат. Будете ли вы теперь отрицать, что занимались проституцией?

Евдокимова. И проституткой была и собой торговала (*Произносит медленно, с трудом и отчаянием*).

Защитник. Скажите, что заставило вас заниматься проституцией?

Евдокимова. Ведь не сразу я такая стала. Обманули меня, соблазнили, изломали. Говорил любит, а бросил беременную. Да крепкая была, ну, думаю, обойдется, бог не без милости. Вперед наука будет. Места лишилась. Папиросами торговать стала, хоть работа и трудная—да ничего... (*припоминая*) ведь разговор один—торговка—сами знаете, что там наторгуешь, только унижение одно, да от милицешки бегаешь, ведь патент-то не на что было взять. А об том, что и толкает и ругает тебя всякий жулик базарный, и говорить нечего... стоишь, стоишь, особенно зимой, мороз, снег, товар не идет... и такая злость возьмет, эх, да пропадай все пропадом! А кругом всякая, с позволения сказать... (*удерживается*), ходит да подшептывает „и чего вы здесь барышня, хорошенькая, мерзнете, пошли бы лучше со мной в пивную, али в чайную обогреться“, а то еще один все приставал: „весь товар твой куплю,

дура“, а я стою, да отругиваюсь. Тут-то ко мне вот эта *(указывает на Свиридову)* лиса и подкатилась; егозит, егозит: „и чего тебе, девонька, жизнь свою губить, ведь ты в зеркало погляди, да ведь на такую картиночку всякий с охотой пойдет, а у меня для тебя, девонька, и на примете человек есть солидный, своя лавка бакалейная у Сухаревой вдовый, уж ты ему только в ласке своей не откажи, а уж он для тебя ничего не пожалует. Может еще женитса“.... А мне все непочем было; хотела честной остаться... *(плачет)*.

Защитник. Так что же случилось с вами?

Евдокимова. Да, ведь, брат выгнал меня *(говорит с надрывом)*, как призналась ему, что беременная. Страх меня взял. Куда идти, что делать? ну и пошла к ней!... Плачу, плачу, а она рада, мигом туда сюда и приписала меня к себе... А вечером лавочника привела. ну, думаю, а вдруг, правда, счастья мне выходит. А вместо счастье, такой пакости хлебнула, что и вспоминать тошно. Когда он ушел, я так плакать стала, что и сказать нельзя, а Акулина меня же ругает, что мол, мало содрала, да ведь я то видала, как она из тех денег себе за пазуху сунула. Тут я ей в лапы и попалась.

Защитник. Что было с вами дальше?

Евдокимова. Тут роды подошли, родился мальчик хорошенький, толстенький, так я его полюбила, так полюбила сразу.... Акулина в воспитательный его отдать хотела, грозила, что меня выгонит, а все же я на своем настояла, отдала его в деревню хорошим людям; сдохну, говорю, а дитя выращу. С этих пор я уж тоже поумней стала: половину ей, половину себе, ведь пришла я домой из больницы без копейки.

Акулина еще больше злобилась на меня: „ничего с тобой, дурай, не заработаешь, я для твоего щенка работать буду што-ли“, а я и пикнуть боюсь—воды, мол, сколько хочешь,

(Живо). Вы не думайте, я для себя али на наряды, я, ей богу, только мальчишку жалеючи, думала, как подрастет, брошу. На биржу хожу, отмечаюсь, вдруг раз прихожу, а мне говорят: „гражд. Евдокимова, вот вам требование на место“. Аж душа у меня замерла. Слава богу, думаю,—конец моим мукам. Поступила...

Обвинитель. *(перебивая)*. И поступив на службу, вы все таки продолжали заниматься проституцией?

Евдокимова. Да хотела все бросить, жизнь свою исправить. От Свиридовой куда ни на есть, хоть в чулан какой переехать, да ничего из жизни моей не вышло. Приехал из деревни знакомый один и письмо привез, что Мишенька мой заболел крепко, я в этот день первый раз жалованье свое получила, все туда и отправила, просила, чтоб к доктору его отнесли, ничего чтобы для него не жалели, я, мол, еще пришлю... Чего, чего я ему не покупала, всем позадолжала, а уж ей, Акулине, без счету—наше жалованье сами знаете какое. Нет, ничего не помогло: помер он, Мишенька мой—ангелочек, совсем я ума лишилась.. *(плачет)*. Стала душу ей свою выкладывать, а она, ведьма, как будто поняла, запричитала, запричитала, за водкой сходила „пей, говорит, девонька, пей, я ведь тебе как мать родная, ты только меня слушайся, его душеньке там лучше, он вместе с ангелами, а ты о себе подумай, себя теперь тебе потешить надо“. Ну... и пошло все по-старому. Пила я без просыпу, чтоб забыть о жизни своей несчастной... *(рыдает)*.

Защитник. Скажите, вы знали что, больны сифилисом?

Евдокимова. Бог его знает, тогда ни о чем не думала, не знала я.

Защитник. Я больше вопросов к обвиняемой Евдокимовой не имею, разрешите задать вопрос свидетелю Евдокимову.

Председатель. Пожалуйста.

Евдокимова. *(встает)*. Конечно, пополам делилась, от каждого гостя *(садится)*.

Обвинитель. Скажите, Свиридова, вы часто приводили к себе мужчин для знакомства их с Евдокимовой?

Свиридова. После лавочника-то, что грех таить, знакомила, так опять не с какими-нибудь, а с хорошими и господами и с товарищами; она сама просила, а не я ей навязывала.

Обвинитель. У меня больше вопросов нет.

Защитник. Разрешите вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Защитник. Скажите, обвиняемая, были у вас ссоры с Евдокимовой?

Свиридова. Как когда, а так жили мирно.

Защитник. Вы заставляли Евдокимову оставаться с гостями на ночь?

Свиридова. Чиво заставлять—мое ли это дело. Сама хотела подработать—ну и подрабатывала.

Защитник. Вы не знаете, болела Евдокимова венерическими болезнями?

Свиридова. Чевой-то... венерические...

Защитник. Был у Евдокимовой сифилис?

Свиридова. Господь с тобой *(крестится)*, батюшка, чегой-то выдумал, право, хоть девка и дрянь, а зачем клепать зря. Я уж знакомила-то ее все с наилучшими гостями, а насчет аккуратности, не беспокойтесь, мы ведь тоже такие, это понимать можем, за каждым прыщиком ее смотрела, пылиночки с нее сдувала, ведь это она сейчас так про меня говорит.

Защитник. Больше вопросов не имею.

Председатель. *(к обвинителю обращает слова)*. У вас?

Обвинитель. У меня также.

Председатель. Допрос свидетелей окончен. Тов. эксперт, прошу вас огласить акт медицинских освидетельствований обвиняемой Евдокимовой и потерпевшего рабочего Климова.

Эксперт *(встает)*. Скажите, в каком порядке?

Председатель. Первым прошу вас огласить акт медицинского освидетельствования гражд. Климова, а затем гражд. Евдокимовой.

Эксперт. Акт медицинского освидетельствования гражд. Климова *(читает)*.

А К Т.

Сего числа июня 26-го дня, согласно предложения Следственной Части Народного суда, мною, врачом было произведено медицинское освидетельствование гражд. Климова на предмет установления болен ли он сифилисом и в каком периоде.

При освидетельствовании установлено следующее:

На крайней плоти полового члена имеется неправильно-круглой формы язва, несколько возвышающаяся над кожей, мясисто-красного цвета, размером несколько больше горошины, отграниченная от здорового участка кожи твердым валиком. Края язвы ровные, дно как бы изрытое—плотное. Язва имеет плотное основание, которое на-ощупь напоминает собою хрящ. Даже при значительном сдавливании язва мало болезненна.

В паховых складках прощупываются плотные увеличенные железы. На других местах тела никаких явлений не обнаружено.

При исследовании отделяемого язвы под микроскопом обнаружены микробы—возбудитель сифилиса—бледная спирохета.

На основании указанных признаков надлежит признать, что Климов болен сифилисом в первом его периоде, который называется первичной сифилитической язвой или твердым шанкром.

Изложенное удостоверяю подписью и приложением именной врачебной печати.

Подпись

А К Т

Освидетельствования гражд. Евдокимовой.

Сего числа июня 27-го дня, согласно предложения Следственной части Народного суда, мною, врачом было произведено медицинское освидетельствование гражд. Евдокимовой на предмет установления больна ли она сифилисом и в каком периоде.

При освидетельствовании установлено следующее:

На туловище—на груди, на конечностях—ладонях и подошвах имеются папулы—возвышенные плотные узелки, размером от макового зерна до чечевичного, цвета приближающегося к медно-красному, неизъязвленные, с гладкой поверхностью, резко ограниченной и имеющей плотное основание.

Такие же папулы имеются на слизистой оболочке рта.

На соприкасающихся поверхностях, как-то: в области половых органов, под грудными железами, в подмышечных впадинах—узелки мокнут, покрыты серым налетом и отделяют зловонный секрет, который раздражает здоровые участки кожи и сообщает ей вид опрелости.

Отделяемое этих узелков при исследовании под микроскопом обнаруживает присутствие большого числа возбудителей сифилиса—бледных спирохет.

На основании вышеизложенного, следует признать, что гражд. Евдокимова больна сифилисом, в наиболее заразном—вторичном его периоде, называемом периодом вторичных высыпаний, что и удостоверяю подписью и приложением именной врачебной печати.

Врач

Председатель. Кому угодно задать эксперту вопрос?
Обвинитель. Разрешите.

Председатель. Пожалуйста.

Обвинитель. Скажите, доктор, можно ли на основании актов медицинских освидетельствований установить, что гражд. Евдокимова заразила сифилисом гражд. Климова?

Эксперт. Установить факт заражения Климова Евдокимовой только на основании актов их освидетельствования я не могу. Дело в том, что если мы возьмем отделяемое язвы или гнойничков у нескольких больных и будем эти отделяемые исследовать под микроскопом, мы найдем в них возбудителей сифилиса—микробов, которые называются спирохетами. Эти спирохеты будут совершенно одинаковы и будут совершенно похожи, независимо от того, у какого больного они находятся. Поэтому сказать, какие спирохеты породили других, от какого больного спирохеты попали к здоровому человеку и его заразили, конечно, нельзя.

Обвинитель. Скажите, на основании каких данных медицинских можно заключить, что Евдокимова заразила сифилисом Климова.

Эксперт. О факте заражения Климова от Евдокимовой можно говорить утвердительно, только принимая во внимание время посещения гражд. Климова гражд. Евдокимовой, наличие у нее второго периода сифилиса, самого заразительного и наиболее опасного для окружающих, и, наконец, время появления язвочки на половом органе у Климова. Разбираясь в судебном процессе, мы видим: 5 мая Климов, при приеме на службу, был осмотрен врачом и признан совершенно здоровым; после осмотра Климов был только у одной женщины—у Евдокимовой и через 3—4 недели после посещения ее заболел сифилисом—у него появилась сифилитическая язва. Эти данные, не опровергнутые свидетельскими показаниями, дают возможность заключить, что Климов заразился сифилисом от Евдокимовой.

Обвинитель. Скажите, доктор, какие проявления болезни были у гражд. Евдокимовой до посещения ее гражд. Климовым.

Эксперт. Гражд. Евдокимова больна сифилисом во втором периоде. Значит, у нее был и первый период болезни, который характеризуется появлением твердой язвочки, твердого шанкра. Так называется эта язвочка. Второй же период болезни у Евдокимовой заключался в том, что на ее теле, в различных местах, появилась сыпь. И так—язва и сыпь—вот проявления сифилиса, которые были последовательно у гражд. Евдокимовой.

Защитник. Разрешите вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Защитник. Скажите, доктор, у каждого больного сифилисом сыпи предшествует язва? А также прошу сказать, может ли больной не заметить ни язвы, ни сыпи?

Эксперт. У каждого больного сифилисом, второму периоду предшествует первичная сифилитическая язва; второй период болезни выявляется появлением сыпи, которая может быть обильной, сильно распространенной или может находиться в одном только участке и состоять из нескольких пятнышек. Бывает, что язвочка первого периода появляется на внутренних половых органах и женщины ее не замечают, а сыпь может быть бледной и мало выраженной. И люди, которые мало следят за собою, не обращают на все это должного внимания.

Конечно, с этим мы должны всемерно бороться, как с проявлением халатности, ведущей к гибели самого больного, упускающего время для лечения и распространяющего заразу среди других, которые не принимают никаких мер к предохранению себя от заражения.

Председатель. Тов. эксперт, суду важно знать, как протекает сифилис?

Эксперт. Сифилис—тяжелая заразная болезнь которая, при отсутствии надлежащего лечения, тянется долгие годы, то затихая, то вновь себя проявляя.

Первичное проявление сифилиса, как я уже сказал, это—появление на месте, через которое проникла в тело сифилитическая зараза, небольшого затвердения (узелка), постепенно увеличивающегося. Это затвердения появляется через 3—4 недели после заражения. Кожа с поверхности узелка сходит, образуется язвочка, которая по размерам своим может быть от макового зерна до горошины.

Эта язва, характеризующая первый период сифилиса, называется твердым шанкром; она почти безболезненна, красноватого цвета и имеет твердые, как хрящ, края и дно.

Недели через полторы после появления шанкра, ближайшие железы увеличиваются, становясь твердыми. При правильном лечении, а иногда и без всякого лечения, твердый шанкр скоро заживает, что, конечно, ни в коем случае не говорит о выздоровлении больного. Если заболевший сифилисом, при появлении твердого шанкра, не начинает правильно лечиться, у него через пять—шесть недель, иногда раньше, иногда позже, начинается второй период болезни. Вторым периодом болезни заключается в появлении на туловище, на руках, на ногах сыпи, имеющей вид небольших розовых пятен. Сыпи этой иногда бывает очень много, иногда с трудом можно отыскать отдельные пятнышки. Часто перед высыпанием больной чувствует недомогание, его лихорадит, появляется головная боль, ломота в костях. Железы опухают на всем теле—в паховых складках, под мышками, на шее. Сыпь может быть также в виде узелков, покрытых чешуйками и возвышающихся на коже. Эти узелки могут нагнаиваться, и в отделяемом этих нагноившихся узелков, мы, при помощи микроскопа, можем легко найти воз-

будителей болезни—микробов, называемых спирохетами. Сифилитическая сыпь может появиться в полости рта, что особенно опасно в смысле заражения, в горле— в этом случае голос больного становится сиплым. Часто больной не замечает, что у него во рту сыпь, и легко перелает заразу через стакан, папиросу и заражает сифилисом здоровых.

Все эти явления могут исчезнуть при лечении, но иногда они исчезают и без лечения. Тогда они часто появляются снова.

Только лечение гарантирует больного от новых приступов.

Вторичный период может тянуться несколько лет и является крайне заразительным для окружающих.

Третичный период сифилиса проявляется тем, что у больного начинают появляться в разных местах тела и во внутренних органах опухоли, которые называются гуммами, отчего третичный период и называется гуммозным периодом сифилиса. Эти опухоли, достигающие величины грецкого ореха, размягчаются, распадаются и образуют долго незаживающие язвы. Опухоли часто образуются на голени, на костях, разрушая их; если они появляются на костях, поддерживающих нос, эти кости разрушаются и нос западает— „проваливается“.

Опухоли, переходящие в язвы, могут появляться и в печени, сердце, желудке и других органах, вызывая постепенное разрушение этих важных для жизни органов.

Особенно тяжелы сифилитические поражения спинного и головного мозга. При поражении спинного мозга человек заболевает тяжелой болезнью—сухоткой спинного мозга; при поражении головного мозга— прогрессивным параличем.

Обвинитель. Прошу сказать, насколько сифилис является болезнью опасной и в чем эта опасность выражается?

Эксперт. Сифилис является одной из наиболее распространенных болезней. У нас в России встречаются целые волости, где население почти поголовно поражено сифилисом.

На ряду с этим огромным распространением сифилиса, он в отношении смертности занимает одно из первых мест.

Такая тяжелая болезнь, как сухотка спинного мозга, которая может тянуться годами и кончается смертью, исключительно сифилитического происхождения.

Прогрессивный паралич—страшная болезнь, заканчивающаяся сумасшествием и смертью, также сифилитического происхождения.

И от разных других болезней смертность среди болевших сифилисом выше, чем среди тех, кто сифилисом не болел. Например, смертность от так называемого разрыва сердца среди сифилитиков наблюдается в 6—7 раз чаще, чем у тех, кто сифилисом не болел.

Но бедствия, причиняемые сифилисом, этим не ограничиваются.

Сифилис от больного передается семье, передается по наследству.

У женщин, заболевших сифилисом, беременность из ста случаев в 90 кончается выкидышами или мертворождениями. Если у таких матерей дети и рождаются живыми, то они обычно вскоре после рождения заболевают сифилисом и умирают, а если и выживают, то растут хилыми, слабыми, отсталыми. Сифилис у них может проявиться к 13—15 годам. На основании этого мы можем утверждать, что сифилис ведет народ к вымиранию и вырождению.

Обвинитель. Товарищ эксперт, прошу сказать, излечим ли сифилис?

Эксперт. Сифилис—болезнь, безусловно излечимая. Во всех тяжелых поражениях, какие вызывает сифилис, он представляет собою болезнь, страшную только для тех, кто его не лечил или лечил недостаточно. В подтверждение моих слов, разрешите мне привести слова известного немецкого профессора Нейссера. Он говорит: „сифилис не только излечим, но и легко излечим; он принадлежит к наиболее легко излечимым болезням, при условии его своевременного и надлежащего лечения“.

Обвинитель. Не можете ли вы указать, как долго надо лечить сифилис, чтобы его излечить?

Эксперт. Сифилис, как и всякая хроническая болезнь, требует длительного лечения. Лучше всего начать лечение в первые дни появления сифилитической язвы—твердого шанкра. Если захватить болезнь сразу, с первых дней ее появления, то можно сифилис излечить в несколько месяцев.

Каждый пропущенный час уже потребует лишних дней лечения. Если благоприятный момент упущен, если зараза сифилиса уже успела распространиться по всему организму, тогда приходится сифилис лечить, хотя и с перерывами, но уже два—три года.

Председатель. Суду важно знать, как заражается человек этой тяжелой болезнью. Прошу вас сказать об этом.

Эксперт. Заразиться сифилисом можно легче всего при половых сношениях, когда зараза сифилиса с язвы, которая находится на половых органах больного, попадает на ссадину или ранку здорового человека. Это так называемый половой путь заражения сифилисом.

Заразиться можно и без половых сношений: от соприкосновения с больным при поцелуе, или же от вещей, на которые вместе со слюной, гноем или кровью

больного, попали микробы сифилиса, еще не успевшие высохнуть. Это так называемый внеполовой путь заражения сифилисом, редко встречающийся в городах и являющийся тяжелым бичем для сел и деревень, в которых почти все население заражается сифилисом именно внеполовым путем.

Председатель. Скажите, тов. эксперт, как часто наблюдается такая внеполовая передача сифилиса?

Эксперт. Внеполовое заражение сифилисом происходит чаще, чем многие думают. У нас в России имеются губернии, как, например, Владимирская, Курская, где 90% заболевающих сифилисом заражаются им внеполовым путем.

Можно сказать, не преувеличивая, что в России больше половины сифилитиков получили сифилис внеполовым путем. Такое заболевание сифилисом получило у нас название бытового сифилиса.

Председатель. Тов. эксперт, вы назвали сифилис бытовой болезнью, не можете ли вы пояснить, почему сифилис получил такое название?

Эксперт. Причина распространения внеполового сифилиса стоит в тесной связи с условиями жизни, с условиями быта. Живут люди тесно, едят и пьют из общей посуды, женщины прикармливают чужих детей, суют в рот своим детям чужие соски. Сотни тысяч людей берут в рот недокурные чужие папиросы и трубки, на которых может оставаться слюна сифилитиков с микробами сифилиса. В пасхальные дни многие и теперь еще христосуются, не задумываясь над тем, что среди них имеются тысячи сифилитиков, которые вместе с своими поцелуями передают и заразу сифилиса.

Вот, например, такая бытовая картинка. Возвращается в деревню, к себе в семью, рабочий с отхожих промыслов, или красноармеец демобилизованный или в отпуск.

Если они на чужбине заразились сифилисом и его не излечили, то дома заражают жену половым путем, детей и родителей внеполовым путем. Дети передают заразу детишкам соседей, играя с ними, хватая друг от друга в рот игрушки, обгрызки хлеба и т. д.

Дети тащат заразу к себе в дом, и занесенная таким образом зараза из города в одну деревенскую семью распространяется по всей деревне.

Таких бытовых картинок и явлений в деревне много.

Вследствие их, сифилис получил название бытового сифилиса.

Обвинитель. Скажите, доктор, имеется ли связь между проституцией и венерическими болезнями?

Эксперт. Основным источником распространения полового сифилиса является проституция. Считают, что от одной проститутки заболевает от 80 до 100 человек. По данным клиники Бляшко, из 487 больных сифилисом 395 заразились им от проститутки. Среди проститутки наблюдается поголовное заражение сифилисом; таким образом, каждый идущий к проститутке обрекает себя на заражение, также точно, как и женщина, продающая свое тело, никогда не остается здоровой.

Принимая во внимание огромное развитие проституции, — цифры нам говорят: в Берлине 1 тайная проститутка приходится на 20 человек населения, в Ленинграде 1 тайная проститутка приходится на 20 лиц женского пола, — становится понятным рост венерических болезней, разрушающих человечество.

Защитник. Не можете ли вы, тов. эксперт, кратко выявить причины этого бедствия.

Эксперт. О проституции, этом проклятом неизменном спутнике капитализма, можно сказать многое. Я позволяю себе выявить те причины, которые толкали женщину капиталистического общества на путь проституции. Тяжелые материальные условия давили жен-

щину, в государственные учреждения на службу женщины почти не принимались. Труд женщин оплачивался ничтожно — треть приказчиц гор. Одессы (например) получала меньше 10 руб. в месяц, и это при условии работы целого дня, необходимости иметь свою квартиру, свой стол, прилично одеваться. Женщина, имевшая на руках ребенка, обрекалась буржуазным миром на голодную смерть. Куда она могла поступить, как она могла прокормить себя и ребенка. А девушки из деревень, которых голод гонит в города, где они без средств, без всяких связей, попадают на улицу. И гонимые бесправием, материальным гнетом, тысячи женщин шли на улицу и делались проститутками. Таким образом создавалось предложение женского тела.

Кто же и что создает кадры покупателей этого тела? И здесь главной причиной, являлся экономический гнет.

Малоземелье гонит крестьянина в город на подсобный заработок. Скучные деньги, получаемые им за непосильный труд, не дают возможности ему обзавестись семьей; брак, в условиях капиталистического общества — роскошь, которую не всякий может себе позволить. В таком же положении находились и рабочие, задавленные эксплуатацией капитала. И одинокие, изможденные жизнью, стремящиеся к женщине, они идут на улицу, покупают продажное тело и удовлетворяют свой инстинкт.

Сотни, тысячи молодых людей ищут на мостовой мимолетную радость и платят за нее гибелью своего здоровья, иногда и всей своей жизнью. И заразившись сифилисом, они разносят заразу по домам и снова несут заразу в ту же проституцию, губя тех, кто еще не успел заразиться или тех, кто смог вылечиться.

Так создается и спрос и предложение на почве тяжелых материальных условий.

Защитник. Тов. эксперт, не можете ли вы установить связь между проституцией и алкоголизмом?

Эксперт. Связь алкоголизма с проституцией самая тесная, неразрывная. У большинства проституток начало их работы связано с опьянением. Алкоголь ослабляет волю, приступает чувство стыда и нравственности и толкает на преступления. Алкоголь помогает проститутке не думать о том, что она делает, не чувствовать окружающего, топить в алкоголе свой стыд, забывать и о прошлом и о надеждах, желаниях. И, в данном случае, мы видим подтверждение: Пьяная Евдокимова вступила на путь проституции. Пьяная занималась проституцией, под дурманом спирта торговала собой. К тому же, пьянство передается по наследству. Эта наследственность, создает предрасположение к различным заболеваниям—из них самые тяжелые—душевные болезни. Алкоголь поражает нервную систему, следствием чего бывают неосмысленные поступки, склонность к отчаянию, слабость воли, упадок сил. Алкоголь участвует в создании, развитии и муках проституции.

Дорога мужчины к проститутке идет всегда через кабаки, через спирт, через опьянение. Одурманенный спиртом идет и покупает, нередко опьяневшую женщину.

Председатель. Последний вопрос, тов. эксперт, какие же могут быть пути борьбы с этим злом?

Эксперт. Для победы над проституцией, необходимо дать женщине полное экономическое и правовое раскрепощение, осуществить охрану женщины как матери—охрану ее ребенка, установить государственное воспитание детей, социальное обеспечение инвалидов, охрану детства до совершеннолетия и развивать промышленность для привлечения наибольшего количества женщин к производственному труду.

Широкой волной должны разливаться знания о том, как надо жить и охранять свое здоровье. Нужно

вытянуть деревню из тьмы, в которой держало ее царское правительство. Сделать это может только Советская власть, строящая свою жизнь на социалистических началах, идущая по верному пути победы над проституцией и венерическими болезнями. Многие уже сделано, многое еще нужно сделать.

Председатель. Благодарю вас, тов. эксперт. Судебное следствие объявляю законченным, перед прениями сторон объявляю перерыв на 10 минут (суд удаляется через левую дверь).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

(Защита, обвинение, эксперт, свидетели, обвиняемые—их вводит секретарь, занимают свои места). Секретарь просматривает на столе бумаги и уходит. Возвращается секретарь через 2—3 минуты.

Секретарь. Прошу встать, суд идет! *(все встают)*.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

(Входит председатель и два члена суда).

Председатель. Объявляю заседание суда продолжающимся, прошу сесть. Слово предоставляется общественному обвинителю.

Представитель общ. обвинения *(встает)*. Граждане судьи! Сегодня мы разбираем дело, имеющее огромное значение для всех трудящихся нашего Союза.

Сифилис и проституция, сплетенные в единый, неразрывный узел, давят и душат тело народа. Трудящиеся, строящие новую жизнь, должны быть освобождены от венерических болезней. Куда же должно направить первый удар? Что же является главной причиной распространения венерических болезней, широкой волной заливающих деревни и города, проникающих на фабрики и заводы, вырывающих столько жертв из армии трудящихся.

Проституция—рассадник венерических болезней!

Проституция—почва, на которой кровавым цветом расцветают цветы страданий, боли и отчаяния. Врач—эксперт подтверждает нашу мысль, данный процесс ярко и жестоко ее иллюстрирует.

Проститутка Евдокимова заразила сифилисом рабочего Климова.

В этом нет ничего неожиданного, иначе быть не могло, иначе и не было. Евдокимова заразила многих:

десятки и сотни тех, кто был с нею. Этой участи подвергся и Климов.

Она, отдающая свое тело за деньги, не могла не быть зараженной. Торгуя своим телом, она не прекратила свою работу и во время болезни и сеяла заразу среди тех, кто вольно или невольно с нею соприкасался.

Проститутка Евдокимова превратила свое тело в товар, себя обрекла на страшную жизнь, отравленную ядом сифилиса, и занималась проституцией—делом, наносящим огромный вред трудовой Республике.

Но действительно ли Евдокимова занималась проституцией?

Мне кажется, останавливаться на этом долго не придется.

Правда, в начале процесса, гражданка Евдокимова пыталась все отрицать и в грубых, наглых ее словах была одна всеотрицающая ложь. Но потом она созналась и все поведала суду, стараясь объяснить причины, толкнувшие ее на улилу.

Брат, родной брат выдал Евдокимову, и в тоскливых, мучительных словах брата жила такая правда, от которой не было сил отказаться, которую не было сил отрицать. Вот чем объясняется признание Евдокимовой.

Да, гражданка Евдокимова—проститутка и проституцией она занималась—это ни в ком не вызывает сомнений.

Но виновата ли Евдокимова в том, что, занимаясь проституцией, она усиливала великое народное бедствие и разносила заразу?

Да, виновата, скажу я, „виновата“ скажут все трудящиеся.

Но отчего? Ведь жизнь и только жизнь превращала женщин в проститутки; старая, разрушенная жизнь не давала возможности существовать, отнимая и тело и душу трудящихся.

Вспомним, что питало проституцию—спутника старой жизни, вспомним, как создавалась и почему процветала при царской власти она.

Жестокая нужда в куске хлеба немилосердно выбрасывала на улицу сотни и тысячи женщин. Девушки-подростки отправлялись из сел и деревень в города в поисках хлеба—безземелье держало крестьян в великом голоде и в городах попадали они в цепкие лапы капитала, который выжимал из них силы, покупая всего человека.

И над всем этим покровительственное око полицейского надзора и как апофеоз—желтый билет для тех, кто придушен был капиталом. Темнота, невежество, безправие, рабское положение женщин, тысячи предрассудков, позор матери, родившей ребенка вне брака, отсутствие мер по охране материнства и младенчества—вот условия, при которых процветала проституция, рожденная гнетом старой жизни.

Старая жизнь родила и Свиридовых, на деньги все променявших, ловивших неопытных девушек, которые изнемогали в борьбе с голодом.

Свиридовы находили им работу. Свиридовы давали им хлеб—они делали их проститутками, создавая рынок живого товара. Живой товар нужен старому капиталистическому обществу для удовлетворения страстей и инстинктов буржуазных сынков, для сохранения „святости“ брака—торговой фирмы, освященной божеской милостью, для радости, для веселья.

Так было в том мире, который разрушен и на обломках которого строится новая жизнь. Так было.

В настоящем многое изменилось. Сгорают старые предрассудки, выковываются новые устои, строится, строится новый быт.

Постепенно и неуклонно улучшаются материальные условия жизни трудящихся, эксплуатации чудовищной и жадной положен предел.

Разоренная, измученная в борьбе с врагами, страна залечивает свои раны, поднимает свою промышленность. И работают в глубоком сознании трудности и тяжести строительства, вещающего торжество трудящихся.

Воля к победе, к жертвам, к выполнению долга жжет сердца и укрепляет падающие силы.

Еще свежо недавнее прошлое—прошлое революционной борьбы. Голодные, оборванные рабочие и крестьяне побеждали западно европейскую технику, изможденные непосильным трудом, глубоко под землей, рабочие долбили черный хлеб, чтобы дать пищу фабрикам и заводам.

А возрождение промышленности, разрушенной войной и блокадой, является решительной победой труда над капиталом.

Революция проложила новые пути для жизни трудящихся, революция нанесла смертельный удар проституции, вскормленной и питавшейся старой жизнью.

Советская власть стоит на верном пути борьбы с этим злом.

Сделано много: женщина освобождена от духовного и экономического гнета, перед ней открыты все дороги, она охранена как работница—мать. уничтожены предрассудки, губившие женщину, раскрепощен брак, женщина во всем уравнена с мужчиной и сделана полноправной гражданкой.

Но старое еще давит. Старое дает себя чувствовать.

И самое главное—экономические условия жизни остаются тяжелыми; промышленность, постепенно оживающая, строящаяся на новых основаниях, не может всех занять в производстве, не может явиться делом всех трудящихся.

Безработица, и связанное с нею голодное существование, давит, берет в свои железные тиски и испытывает и губит тех, кто не чувствует себя участником новой жизни, способным на жертвы и страдания во

имя об щего дела. Происходит великий отбор, грозное испытание.

Уходят те, кто не чувствует своей связи с трудящимися: слабые протягивают руку напманам, думают только о своих личных интересах и нуждах. И во имя сытой жизни, пополняют кадры проституток; во имя жизни без лишений, губят себя.

Рабоче-крестьянская власть не преследует проституток.

В уголовном кодексе нет статей, наказующих за проституцию.

Трудящиеся знают, что и в новой России причиной, побуждающей к проституции, может явиться нужда.

Все силы трудового народа направлены к уничтожению союзника старого строя— проституции, уничтожению причин ее поддерживающих.

Тем внимательней, глубже и серьезней мы должны рассматривать, изучать каждый случай сознательного заражения сифилисом, выявляя причины, толкнувшие женщину на путь продажи тела, на путь распространения венерических болезней. Тем строже и суровой должны мы преследовать тех, кто, занимаясь проституцией, не прекращают своей работы и во время болезни, распространяют заразу и сознательно заражают трудящихся.

Дочь пролетариата, Евдокимову, не прельщала участь живущих на маленькое пособие от биржи; она не хотела жить впроголодь.

Не хотела, несмотря на то, что знала, что видела, что чувствовала еще так недавно, голод, голод, который царил над всем. Голод, который оказался бессильным задушить волю трудящихся к победе.

Евдокимова по своему желанию выбрала себе ремесло, губящее все завоевания Революции. Во имя денег, личной жизни, можно все отдать и протянуть руку тем, кто готовит вырождение и смерть,

Разве не могла Евдокимова переждать тяжелое время—ведь она и папиросоми торговала, ведь она не голодала.

И надежды не обманули Евдокимову—она получила службу, место, которое могло осчастливить тысячи ей подобных.

Но, оторвавшись от жизни коллектива, не чувствуя связи с пролетариатом, она не думала, не искала, не хотела жить поновому и сознательно относиться к жизни.

Был момент трудный в жизни Евдокимовой когда брат ее выгнал. Ее, готовящуюся стать матерью! Но— Советская власть разрешает производство аборта в случае тяжелых материальных условий женщины— пролетарки; в крайнем случае, можно было бы и ребенка в приют поместить и уйти от страшного ремесла.

Но не хочет бороться Евдокимова. Она изменяет трудящимся. И тут выступает Свиридова—она сыграла трагическую роль в жизни Евдокимовой.

Свиридова—враг трудящихся. Свиридова—сводница! Свиридова охотится за живым товаром, она—паразит и вечно ищет себе жертву. Она устроит, она даст возможность жить другим и сама прекрасно устраивается и после Революции. Ведь работа для Свиридовых всегда найдется и работу она находить умеет, старый опыт помогает.

Евдокимова живет у Свиридовой. И когда желанное место Евдокимова получает, когда снова представляется возможность забыть тяжелое время и бросить проституцию, которая неминуемо погубит жизнь, Евдокимова не захотела уйти от старого стойла, сама заразилась, и вполне естественно, попала на скамью подсудимых за заражение других—один из многих—здесь—Климов.

Евдокимова осталась у Свиридовой, думая только о самой себе, заливая свое горе—смерть ребенка,—вином.

Глубокая развращенность и испорченность, преступная халатность, халатность к самой себе, к обществу, сделали возможным для Евдокимовой продавать свое тело и заражать, заражать, заражать.

Свиридова привела Климова к Евдокимовой, а Евдокимова продала ему на ночь свое тело и сознательно, зная о болезни, заразила.

О Климове должно многое сказать. И потребовать от него ответа. Он виноват, он заслуживает наказания.

Воспользоваться телом человека, купить женщину, создавать спрос на проституцию, конечно, преступление.

И хотя в нашем законодательстве еще не разработаны статьи, карающие подобные преступления, мы должны, от имени всех трудящихся, выразить Климову общественное порицание.

Мы рассмотрели, разобрали жизнь Евдокимовой, стало нам ясно с кем имеем мы дело. Для доказательства предъявленного к Евдокимовой обвинения, будем помнить, что профессия Евдокимовой—распространение венерических болезней и будем так же детально разбирать фактический материал, имеющийся в деле. Евдокимова сознательно заразила сифилисом рабочего Климова.

Вот и фактический материал для нашего утверждения.

Пятого мая, при приеме на службу, Климов был осмотрен врачом и был признан совершенно здоровым.

После этого он был только у одной женщины—у Евдокимовой, на это есть показания и Климова и Лыткина, которая была больна сифилисом во втором периоде, крайне заразительном и представляющем огромную опасность для окружающих.

А через 3—4 недели Климов заболел сифилисом. Эти данные говорят нам о правильности нашего заключения. И врач—эксперт полагает, что заражение произошло от Евдокимовой,

Но знала ли Евдокимова о своей болезни, виновата ли в сознательном заражении. Да, знала! И за это, больше чем за иные преступления, необходимо требовать сурового наказания. Передать болезнь, заразить сифилисом—тяжкое преступление! Заразить можно из чувства мести—и это будет жестокая месть, наносящая физические и душевные страдания; заразить можно из-за халатности, небрежного отношения к самому себе и глубокого равнодушия к обществу и это будет преступление, подрывающее мощь трудящихся.

В момент ожесточенной борьбы на фронте хозяйственном, происходит смертельная борьба с болезнями. Победа над болезнями должна быть одержана и от исхода борьбы зависит дальнейшая производственная работа страны.

И только сознательность, внимание, ежедневное, ежечасное внимание к самому себе, к собственному здоровью, может дать победу. Поэтому, прошу вас, граждане судьи, глубоко и серьезно отнестись к тому, что сделала Евдокимова.

По словам эксперта, бывают случаи, когда женщины не замечают первичной язвы, а сыпь, характерная для второго периода, появляется в виде отдельных пятнышек. Такие случаи наблюдаются редко и, в большинстве случаев, мы имеем дело с яркими проявлениями болезни—так было и у Евдокимовой.

Евдокимова занимается проституцией. Она знает, что сифилис стережет проститутку, что сифилис—меч занесенный над их головами. Вступившая на путь продажи тела, играющая с огнем—под вечным риском заражения, не может не знать своего врага.

Вы слышали—Свиридова знает о сифилисе, знает, как сифилис проявляется, она учила Евдокимову быть аккуратной и внимательной. И сама Евдокимова боялась заразиться и ей был страшен сифилис, сифилис временами удерживал ее от проституции, но не удержал.

Авось „чорт не так страшен, как его малюют“, думала она.

Авось, старое, прогнившее „авось“ ни от чего не спасло и Евдокимова заразилась. И зная о своей болезни,—а не знать она не могла—ведь проявления болезни были,—Евдокимова продолжала заниматься своим ремеслом, скрывала свою болезнь и не лечилась.

Она скрывала свою болезнь, скрывала и от Свиридовой.

И, конечно, от Свиридовой, которая давала ей работу, поставляя мужчин.

Но, позвольте, скажут мне, есть непонятное в том, что вы говорите. Почему Евдокимова, зная о своей болезни, предвидя страшные последствия, все же не лечилась и спокойно шла к своей гибели?

В этом непонятном — и ужас и возможность широкого распространения венерических болезней. Поэтому сифилис и является бичем человечества.

Больные знают о том, что больны и... не лечатся, не лечатся, губят себя, заражают все вокруг.

Ведь, сифилис считался болезнью неизлечимой, которая требует длительного лечения, в конечном счете, не приносящего пользы. От сифилиса не отделаешься тем, что раз пойдешь к врачу лечиться нужно долго и упорно и главное, главное, нужно бросить работу.

И больные не хотели правде смотреть в глаза, предпочитали свою болезнь не лечить, ждать будущее, о нем не думая.

Девиз Евдокимовых „пусть будет, что будет“. И конечно, болезнь скрывают, хранят эту тайну, не желая признаться в позоре.

А сифилис долго и упорно считают болезнью позорной.

К тому же, признайся Евдокимова в своей болезни, Свиридова сейчас же выбросила бы ее из квартиры и их совместной работе наступил бы конец.

И в том, что Евдокимова скрывает, молчала о своей болезни,—а она не могла просмотреть и язвочку и сыпь при внимательном к себе отношении, не могла не видеть, что тело ее изменяется, я вижу проявление шкурничества. Шкурничество, своеобразно понимаемое, желание жить по-старому, жить с надеждой на „авось“, преступно равнодушное отношение к коллективу—вот, что привело Евдокимову на скамью подсудимых.

Зачем лечиться—ведь говорят, что знахарки лучше чем врачи, что прививки губят людей, быть может, все так пройдет али проявится к старости. А разве о том, что будет, думать нужно?

И Евдокимова не лечилась, скрывала свою болезнь, разносила заразу, как это делают многие, достойные той же кары, что и она.

И она сознательно заразила Климова.

Нам остается сказать несколько слов о Свиридовой.

Несколько слов оттого, что судебный процесс ярко и выпукло нарисовал лицо Свиридовой—сводницы и сообщницы.

Свиридова сыграла огромную роль в жизни Евдокимовой, роль решающую, губительную.

Сводничество—профессия Свиридовой, сводничество дает ей возможность жить и не плохо в моменты голода и лишений у всех трудящихся.

Старые навыки, царскорежимную закваску, свое отношение к людям, Свиридова пронесла нетронутыми через все бури социальной революции.

В прошлом у нее публичный дом, продажа живого товара, эксплуатация белых рабынь. в настоящем—сводничество, толканье в яму, добывание шатающихся.

За каждым шагом Евдокимовой следует Свиридова—она крепко держит свою жертву. Скромная, тихая, с елеинным голосом псаломщицы, имеющая общение с богом, часто его вспоминаящая, Свиридова вся, с головой, ушла в свою работу поставщицы живого

товара, комиссионерши проституток и тех, кто ищет продажное тело.

Проследите в сознании все, процессом вскрытое, и станет ясно, что статья нашего уголовного кодекса, карающая за сводничество, целиком и полностью должна быть применена к Свиридовой. Вы помните, как нашенгивала Свиридова Евдокимовой о трудностях жизни, о бесплезности ждать место, о возможности жить по-иному...

Кто первый толкнул Евдокимову на путь проституции?!

Кто свел Евдокимову с лавочником, кто приводил к ней мужчин, кто привел к ней и Климова?

Свиридова, Свиридова, эксплуатировавшая Евдокимову, жившая на ее счет, державшая ее в тисках, в страхе—„скажите одно слово—выгоню“!

Кто заливал пробуждавшееся иногда сознание Евдокимовой вином и спиртом, кто систематически отравлял и душу и тело пошатнувшейся женщины?— Свиридова! Свиридова—продукт старой жизни, она—наследие прошлого.

И это прошлое, через Свиридовых, протягивает свои щупальцы в настоящее, чтобы губить трудящихся, засаривать их сознание, подрывать их стойкость и выдержанность и тянуть назад, назад, под ярмо капитала.

Она опасна для тех, кто с трудом приобщается к новой жизни.

Свиридова—социально опасный элемент, она—паразит, высасывающий кровь у тех, кто все готов отдать за жизнь.

В развитии проституции Свиридовы играют немаловажную роль; с ними должно вести жестокую борьбу, как с эксплуататорами злостными, пользующимися тяжелым положением трудящихся, толкающими их на гибель, на распространение венерических болезней.

Свиридовы должны быть убраны с пути, по которому идут трудящиеся к победе над проституцией, болезнями, над всем, что угрожает здоровью, крепости народа.

Я верю, граждане судьи, вы воздадите должное, заслуженное Свиридовой.

Для борьбы с венерическими болезнями нужны решительные меры, продиктованные разумом и любовью ко всему коллективу.

Граждане судьи, вы признаете Евдокимову и Свиридову виновными в распространении венерических болезней! И они понесут заслуженное наказание. Изоляция для исправления—вот приговор, который ждут от вас трудящиеся. Полное применение статей нашего уголовного кодекса о сознательном заражении и сводничестве—вот, что сможет защитить интересы трудящихся.

Председатель. Слово предоставляется общественному защитнику.

Пред. обществ. защиты. Граждане судьи! Жестоко бичует представитель общественного обвинения моих подзащитных.

В порыве негодования и возмущения, обвинитель предлагает суровые меры для искоренения тяжелых преступлений, в которых обвиняются Евдокимова и Свиридова.

Но прежде чем вынесем мы решение, которое ждут трудящиеся, постараемся вникнуть в разбираемое дело и выяснить действительное преступление обвиняемых.

Главное обвинение—сознательное заражение сифилисом, главное и вместе с тем спорное, поэтому разрешите говорить сначала о Евдокимовой.

Гражданка Евдокимова—проститутка! Это мы знаем, в этом она сама признается.

И на этом строится обвинение в сознательном заражении.

Выявляя личность и жизнь Евдокимовой, доказывая, что она сознательно, добровольно вступила на путь проституции и, следовательно, занималась распространением венерических болезней, представитель обвинения приходит к выводу о виновности Евдокимовой.

Раз сделалась проституткой—значит и виновна в заражении.

Ремесло Евдокимовой, по мнению обвинителя, говорит само за себя, а халатность, распущенность и злая воля подсудимой, так рисует Евдокимову обвинитель, дают возможность установить правильность предъявленного обвинения и требовать наказания.

К тому же фактический материал.

Так ли это?

Проследим жизнь Евдокимовой и нам станет все ясным и понятным.

И предстанет Евдокимова не та, которую видел обвинитель.

Личная драма моей подзащитной так похожа на жизнь сотен и тысяч женщин, попавших на улицу и продававших свое тело, что нам необходимо говорить о ней, прочувствовать ее, проследить все детали и потом уж сделать выводы, принять решения, важные не только для Евдокимовой, но и для тысяч ей подобных.

Как ярко и до цинизма просто происходило падение Евдокимовой, как жестоко жизнь втаптывала Евдокимову в тину и омут, из которых не было сил выбраться.

В шестнадцать лет началась трудовая жизнь, началась борьба за существование. Она поступила прачкой в войсковую часть.

Не боясь труда и лишений, она шла по трудовой дороге и делала свое дело, участвуя в общем строительстве.

Молодой, цветущей Евдокимовой, рано окрепшей для борьбы, хотелось рассеять одиночество, хотелось участия, друга, любви.

И она полюбила. Полюбила всей силой неиспорченной, крепкой, пролетарской женщины. И по-новому, по-свободному, без отживших обрядов, предоставленная самой себе, она выбрала товарища—мужа. И он пришел.

Тоже военный, бывший офицер, расставшийся с погонами, но живший по-старому, воспитанный старым укладом жизни.

Думавший: мужчина—властитель, которому все можно.

Сойтись с женщиной—ведь это так легко, быть с женщиной и потом ее бросить. Что в этом удивительного; разлюбил, надоела!

А если отношения могут окончиться беременностью, так и это не страшно: ведь женщина может сделать аборт, ребенка, в крайнем случае, можно поместить и в воспитательный.

Кому ребенок нужен! И для многих ребенок—обуза, ненужный результат половых отношений, от которых нужно брать одно только удовольствие и животную радость.

И при первых же признаках беременности „любимой“, остывает к ней чувство, пропадает желание и, чтобы случайная встреча не связала, бросают тех, кто давал им себя без остатка.

И эта легкость половых сближений, случайность выбора женщины, такая же легкость разрывов и половая распущенность, которой руководит одно желание—взять у женщины тело, утолить половой голод, создают почву для больших человеческих драм, толкающих женщин в проституцию.

Тот, кого любила Евдокимова, обманул ее—девушку.

Когда почувствовал приближение отцовства и понял, что ребенок может связать, он, все взявший у Евдокимовой, бросил ее, куда-то уехал. Ребенок не входил в его планы.

Отрыжка старого быта — половые отношения, мол, ни к чему не обязывают, их разорвать всегда можно. А что будет с брошенной — не важно!

Такое отношение к женщине, желание получить только половое удовлетворение, создавали условия, при которых цвела проституция.

Ведь спрос рождает предложение. Сходятся, берут человека, приживают с ним ребенка и потом бросают.

Что останется делать женщине, изломанной, оскорбленной, на плечи которой взвалили тяжелую ношу?

Советская власть защищает женщину — мать и отца можно заставить прийти на помощь ребенку.

Но горе заполнило Евдокимову и не знала она о новом законе, не знала, кто может помочь.

А военный, которого любила, уехал. Чем связан был он с любившей его женщиной, в чем обвинить его можно! Случайную связь прекратить ведь не трудно.

Вот брак — дело иное, брак освящался церковью, вне брака мужчине дозволено все. И в том страшном, что произошло потом с Евдокимовой, виноват тот, сильный, сознательный мужчина, растоптавший женщину, давший ей вместо хлеба камень.

Уродливое, животное отношение к женщине — наследие старого быта. И это наследие дает себя чувствовать.

Вот рабочий Климов покупает тело женщины. Остается ночевать у Евдокимовой и пользуется телом проститутки.

Пусть не будет Климовых, пусть не будет тех, кто ищет, кто хочет продажное тело, тогда не будет и Евдокимовых, занимающихся проституцией, распространяющих венерические болезни.

Гр. Евдокимова — жертва того прошлого, что не изжито и в настоящем.

Первый удар получила Евдокимова от того, кого любила, кому отдала все, кто сделал ее матерью.

Зашаталась она, ослабела, но собрала силы, не упала духом и пошла к своим, чтобы у матери выплакать горе, чтобы с братом болью своей поделиться.

Чувствовала Евдокимова: плохо жилось брату: мало работал, выпивал часто, то плакал, а то буяннить начинал.

Чувствовала и молчала. И молчала, когда жгло горе, душили слезы.

И работала, работала, на рынке — торговала и днями простаивала на морозе, зарабатывая себе на жизнь.

В это время тяжелых материальных испытаний и чудовищного страха перед будущим, произошли два события, которые губительно отразились на всей жизни Евдокимовой, сделавшие ее проституткой.

Эти события — знакомство со Свиридовой и признание брату в беременности.

Эти события неразрывно связаны, они указали путь жизни Евдокимовой, они определили будущее.

На рынке Евдокимова познакомилась со Свиридовой Свиридова, хоть и моя подзащитная, но ее роль во всем происшедшем должна быть выявлена полностью, беспристрастно и выпукло, так, как это было в действительности.

Свиридова занимается сводничеством и она чувствует сразу, где ей можно поживиться; она намечает жертву, неспособную на длительное сопротивление, но зато дающую хорошую наживу.

И каждый день Свиридова обрабатывала свою жертву; она подошла к самому нутру Евдокимовой, знакомила ее с жизнью, вырабатывала в ней новые взгляды — как пользоваться жизнью, как „умной“ быть и хорошо устроиться, учила не дорожить своим телом

И указывала дорогу—лавочник, который за любовь все отдаст, или кто другой, кто сможет обеспечить. Со Свиридовой, мол, не пропадешь, у Свиридовой знакомства и выручить девушку она всегда может.

Тайна давила Евдокимову, тяжело жилось дома, уставала от работы на рынке, трудно давался хлеб, а в ушах бубнили слова Свиридовой.

И постепенно проникала в сознание мысль—а быть может, если послушаться Свиридову, будет лучше, быть может, вдовец—лавочник женится и ребенку станет отцом.

Быть может, все изменится—больше дурой быть нельзя, а то плохо будет.

Но гнала Евдокимова тревожные мысли, боролась со внушением Свиридовой; чувствовала женским чутьем своим фальшь и ложь в словах Свиридовой, чувствовала, что говорит Свиридова за тех, кто сами ей на рынке унижительные предложения делают.

Приближалось время родов. Будет ребенок!

Прошное скрыть нельзя, нужно обо всем рассказать брату, нужно снять тяжелый камень—брат поймет и простит и поможет.

И брату она сказала горькую правду.

Но брат, проживший жизнь, узнавший много, подавленный старым, не захотел понять, побоялся соседей, разговоров, пересудов и . . . выгнал сестру.

И этот удар добил Евдокимову. У Евдокимовой нет больше сил для борьбы, нет воли, нет пути.

В жизни светит один фонарь! И этот фонарь—Свиридова!

Евдокимова знает, что будет у Свиридовой, но иного выхода нет.

И, как муха, она попадает в паутину, она переселяется к Свиридовой.

Вспомните все слова Евдокимовой и вы почувствуете драму, которая разыгралась там, в квартире Свиридовой.

Погибал человек! Алкоголь помог забыться.

— Пей, матушка, пей, — уговаривает Свиридова.

„Пей, легче станет“.— И становилось легче и ужас рассеивался и становилось беспричинно весело.

А тут был уже лавочник—Свиридова не медлила, она начинала обсасывать свою жертву.

Евдокимова вступила на трудный путь, страшный, тернистый.

И была цель, единственная, всеискупающая—материнство, единственное желание—воспитать ребенка, жить для его будущего.

Евдокимовой пришлось разрешить трудную задачу—кого спасать: себя от проституции или ребенка от смерти.

И она, мать, не долго думала, не выбирала—конечно, ребенка спасти, спасти какой угодно ценой, даже ценой своей гибели. Она отдала ребенка в деревню и на деньги, заработанные своим телом, она кормила его.

Евдокимова была настоящей матерью, она героически выполняла свой долг.

И та, которую судим, является ярким примером самоотверженного выполнения обязанностей матери.

Так скажите, граждане судьи, виновата ли Евдокимова в том, что пошла на улицу и вступила на дорогу, с которой трудно уйти.

Вы, чувствующие и знающие сердце народа, вы скажете вместе со мною: нет, не виновна!

Тех, кто бросил ее на улицу, тех, кто превратил ее в проститутку, судить нужно, их обвинять за гибель Евдокимовой.

Евдокимова занималась проституцией во имя сохранения ребенка, который должен был ей дать высшее счастье.

Вы слышали, как любила детей Евдокимова, с каким вниманием она относилась к чужим детям. Своего ребенка она отправила в деревню и для того, чтобы его вырастить, торговала собой.

Жила надеждой — подрастет сын, получит она службу и начнет новую жизнь. Верила, что засияет солнце и разгонит нависшие тучи страшного ремесла, глухого одиночества, что освободится наконец от об'ятий Свиридовой.

И мы знаем, что Евдокимова, прошедшая школу пролетарской борьбы, снова вернулась бы к работе и, через все лишения и страдания, пошла нога в ногу со всеми трудящимися.

Но жизнь душила Евдокимову. В самый радостный момент ее жизни, когда готовы были осуществиться надежды, было получено место и найден был путь к освобождению, когда, благодаря службе, рушилась связь со Свиридовой, Евдокимову сразил последний удар — умер ребенок.

Умер ребенок, для которого было отдано все.

Евдокимова все потеряла; личное страдание, сознание страшной несправедливости, непереносимая боль заполнили женщину, густой мрак окутал ее и выбросил из жизни.

Пригвожденная к своему ремеслу, придавленная ударами жизни, брошенная друзьями, согретая сводницей, Евдокимова не знала исхода и больше ни к чему не стремилась.

Старое легло тяжестью неизбежной.

Женщина, продающая свое тело, старающаяся забыть о том, что есть душа, мысль, радость, заливающая сознание вином, дурманящая себя ежечасно, превращается в слепое, бездушное животное, ничего, кроме ремесла, не знающее. И эта участь постигла и Евдокимову.

И из цветущей, неопытной девушки, Евдокимова превратилась в батрака, раба, купленного для удовлетворения страстей и инстинктов.

Представитель общественного обвинения строил свои доказательства в сознательном заражении сифилисом на том, что Евдокимова — проститутка, выбравшая себе ремесло, ремесло, распространяющее венерические болезни.

Глубокая развращенность и испорченность и халатность — вот причины, толкнувшие Евдокимову в проституцию.

Так думает обвинитель.

Вот она — преступница, говорит обвинитель.

Евдокимова — жертва, придавленная наследием старой жизни, задушенная нуждой, испепеленная в котле новых строящихся отношений переходного времени.

Так говорим мы.

Революция убила старую жизнь, разорвала оковы, уничтожила старые ценности и заложила фундамент для новой жизни.

Сделано много, быть может, сделано главное.

Но для того чтобы укрепить завоеванное и использовать одержанные победы, нужно обогатить сознание трудящихся и, разрушая старые навыки, верования и предрассудки, творить великое дело укрепления и развития промышленности.

Вот что должно явиться задачей нашего времени, вот что вырвет женщин из об'ятий проституции.

Почему у Евдокимовой не оказалось сил для борьбы?

Да потому, что жизнь обессилила Евдокимову, а в наследство, от родителей, она получила слабость воли, истерию, склонность к отчаянию.

В ее крови алкоголь, который отравил ее братьев, свел в могилу отца и сделал ее инвалидом.

В том, что произошло с Евдокимовой виноваты мы: мы слишком мало сделали для тех, которым

трудно давалась новая жизнь, которых давил гнет старого.

Теперь о самом обвинении в сознательном заражении сифилисом.

После того как Евдокимова прошла перед нами, нам нетрудно говорить о предъявленном обвинении.

У Евдокимовой, во время первого периода болезни, была сифилитическая язвочка. Эксперт нам говорил о том, что эта язвочка не болит и часто не замечается больными; эта язвочка может появиться и во внутренних органах и ничем не давать знать о себе. И понятно, что Евдокимова не заметила начала болезни.

Она не знала о том, что какой-то негодяй, ослепленный животным инстинктом, пришел и ее заразил. Конечно, она об этом не знала!

Евдокимова, как и все проститутки, жила в атмосфере ужаса и страха перед грозной опасностью — заразиться сифилисом.

Она ждала страшную болезнь, спутницу ее ремесла.

Она видела своих товарок, страдающих от болезни, знала, что несет она с собой и, конечно, не скрывала бы о своем заражении. Евдокимова лечилась бы, лечилась бы хоть для того, чтобы снова начать работу и не околеть от голода.

Во втором периоде болезни у Евдокимовой на теле была сыпь.

Но ведь, сыпь может занимать ограниченные участки кожи и может появляться в виде отдельных пятнышек.

Евдокимова, превращенная людьми в какую-то машину, не думала о себе.

И если бы она даже видела сыпь, то могла ей казаться, что эта сыпь случайная, от грязи, нечистоты.

Какие же данные у суда, у общественного обвинителя, для обвинения моей подзащитной в таком тяжелом преступлении. Евдокимова знала о своей болезни.

Так отчего же, отчего она не лечилась? Это остается непонятным и загадочным. Говорить о сознательном заражении не приходится. Евдокимова не знала о своей болезни. Ведь, никто не хочет своей гибели, смерти от последствий сифилиса.

Все обвинение построено на предположениях, бездоказательных умозаключениях, на словах потерпевшего Климова.

А не имея фактического материала, мы не можем, не должны обвинять Евдокимову в столь тяжком преступлении.

Граждане судьи! Верьте словам Евдокимовой, не обвиняйте ее во лжи, не бейте ее неверием.

Второй моей подзащитной я посвящу немного слов.

Дело защитника не обелять обвиняемую, не защищать ее, нет, а помочь суду разобраться во всех деталях содеянного преступления.

В старом буржуазном суде защитник только защищал, защищал во что бы то ни стало. И он не пользовался уважением трудящихся.

В рабоче-крестьянском суде защитник — помощник судей, беспристрастно выявляющий сущность и детали разбираемого дела.

И поэтому в отношении подсудимой Свиридовой мне во всем приходится согласиться с общественным обвинителем.

Свиридова — звено той цепи, что навеки разорвана, тех социальных условий, при которых процветала проституция и поставщики живого товара имели право заниматься своей работой.

Свиридовых не перевоспитать.

А гражданка Евдокимова ждет оправдания.

Подумайте о ней и ей помогите. Спасите человека! Вы можете и должны это сделать!

Председатель. Слово предоставляется обвиняемой Евдокимовой.

Гражданка Евдокимова, что вы можете сказать о себе.

Евдокимова (встает и говорит со слезами в голосе). Не виновата я, верьте мне, не виновата. Жизнь заставила на улицу пойти и себя погубить.

Работать хотела, хотела жить по-настоящему, по-хорошему...

А вышло совсем по-иному *(плачет. Защитник встает и дает стакан воды Евдокимовой. Евдокимова пьет воду и продолжает).*

Когда человеком становиться начинала, шестнадцать лет только было, обманули меня, поиграли и бросили.

Любимый подлецом оказался... С того времени жизнь и перевернулась. Боролась, страдала, все думала—выдержу, жизнь пересилю. А она оказалась крепше... Брат не дал помощи, а Свиридова меня подтолкнула.

Ребенок родился—хотела, чтобы живым остался, его спасти захотела. А вышло, и его не спасла и себя погубила, погубила...

Они *(указывает на обвинителей)* говорят: знала, что больна, других хотела заражать, нарочно вот Климова заразила, а я, ей богу, ничего не знала. Если-б знала, лечилась бы, лечилась; ведь никому-то заживо гнить не хочется.

Вот почему в проститутки пошла? Хотела, мол, жить по богатому, голодать не соглашалась. Да что, я к голоду не привыкла, что, голод мне страшен, мало я голодала...

Да нет же, нет! Сил моих не было дитя мое вырастить, отвернулись все от меня, бросили, живи как знаешь.

А что я знала, а службы не было и жалко было жизни погубленной. Когда же получила службу, имела работу, поздно было, поздно!

Не виновата я, не заражала... На нас посмотреть—веселые мы, счастливые, да скрываем свое горе. Ни-кому свою душу не показываем. На самом то деле, мы самые несчастные—живем как животные а потом смерть где-нибудь под забором тебя возьмет или в больнице сгниешь.

Судите меня, ругаете, обвиняете... А нас-то пожалеть нужно.

Пожалеть нужно. Так помогите мне, дайте на настоящую дорогу выбраться, помогите... *(рыдает).*

Председатель. Обвиняемая Свиридова, вам предоставляется последнее слово.

Свиридова (встает и говорит плашиво и жалостливо). Пожалейте меня, старуху.

Разве я понимала, что делала. Ведь от работы не отказывалась—псаломщицей служила, а с батюшкой трудно было работать то. Не судите меня за Евдокимову—думала, лучше ей будет. А выходит что плохо.

Раньше-то мне никто не говорил, что этого делать нельзя. Пожалейте меня, товарищи, не буду я больше этим делом заниматься.

Пожалейте меня, хоть за мои годы, пожалейте! *(вздыхает и) стариковски).*

Председатель. Суд удаляется на совещание. *(Председатель и члены суда уходят через дверь налево).*

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

(Те же и председатель и члены суда).

Секретарь. Прошу встать. Суд идет!

Председатель. Именем Р. С. Ф. С. Р. Народный суд гор. Москвы, в составе председателя суда Петрова и членов Никитенко и Колесникова, разобрав в своем

заседании от... дело по обвинению гражданки Евдокимовой, в сознательном заражении сифилисом гражданина Климова и гражданки Свиридовой по обвинению в сводничестве, выслушав показания свидетелей, экспертизы, обвинение, защиту и последнее слово обвиняемых, постановил: обвинение гр. Евдокимовой в сознательном заражении сифилисом, считать доказанным; гражданку Евдокимову приговорить к лишению свободы, без строгой изоляции, сроком на три года. Принимая во внимание пролетарское происхождение гражданки Евдокимовой, болезненную наследственность, тяжелые материальные условия, преступное отношение к ней окружающих и развращающее влияние Свиридовой, суд признал возможным наказание считать *условным* с испытательным сроком в 5 лет.

Суд считает необходимым предложить местному отделу здравоохранения немедленно взять гражданку Евдокимову под наблюдение венерологического диспансера до полного ее излечения.

В отношении гражданки Свиридовой, суд постановил считать обвинение в сводничестве доказанным и приговорить гражданку Свиридову, согласно статьи 171 Уголовного Кодекса, к трем годам лишения свободы, с конфискацией всего имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

На основании данных, обнаруженных в судебном процессе, свидетелю Климову, пользовавшемуся услугами проституции и создавшему на нее спрос, суд выносит общественное порицание.

Объявляю заседание Народного суда закрытым.

Руб

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЗДРАВА

Москва, М. Черкасский пер., 2/6.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ В 1925 ГОДУ.

1. Аннерман. Суд над проституткой и сводницей. Цена 30 коп.
2. Семашко. Туберкулез—пролетарская болезнь. Цена 12 к.
3. Шанд. Мalaria. Цена 16 коп.
4. Проф. Бунак. Методика антропометр. исследований. Сборник инструкций. Цена 1 р. 75 к.
5. Таблица „Противодий“. Цена 40 коп.
6. Номенклатура болезней. Цена 1 руб.
7. Лозунги по венерическим болезням. Цена 35 коп.
8. Плакат по малярии. Цена 50 коп.
9. Сануголок по малярии (плакат в красках, 8 таблиц, лозунги). Цена 1 руб.
10. Сан-игра „Звездочка Здоровья“. Цена 1 р. 50 к.
11. Подвиза жизни—тридцать лет революционной борьбы. Биография Н. А. Семашко. Цена 10 руб.
12. Список врачей по СССР. Цена 10 руб.
13. Демидович. Ст. 155 (суд над гр. Киселевич). Цена 30 к.
14. Маркузон. Здоровье ребенка и туберкулез. Цена 1 р. 50 к.
15. Броннер. Венерические болезни. Цена 20 к.
16. Незлин. Что надо знать о туберкулезе. (2-ое изд.). Цена 30 к.
17. Галимовская. Матери крестьянке. Рассказы о том, как болеют дети туберкулезом.
18. Семашко. Чухотка—бич крестьян. Цена 20 к.
19. Агитак. туберк. плакат к туберк. трехдневнику в 1925 г. II. 40 к.
20. Стеной плакат—иллюстрир. лозунги в семи красках по туберкулезу с текстом (для крестьян). Цена 50 к.
21. Стеной санитарно-просветительный по туберкулезу. II. 60 к.
22. Омболен-жетоны и туберкулез, трехдневнику в 1925 г.
23. Плакат „Микробы парии, бад“. Цена 45 к.
24. Фрид. Бич деревни (быль в стихах о свирепее). Цена 20 к.
25. Новалев. Агитационная „К солдцу“. Цена 20 к.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ К 1-му ИЮНЯ 1925 ГОДА:

1. Подробный каталог Издательства Наркомздрава.
2. Соловьев. Скарлатина.
3. Сокращенная аптекарская такса.
4. 2-е изд. (расширенное и дополненное) сборника декретов и инструкций по борьбе с малярией.
5. Новалев. Современный алкоголизм и борьба с ним.

Цена 30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЗДРАВА

Москва, М. Черкасский пер., 2/6.

ПЕЧАТАЮТСЯ.

1. VII издание Фармакопей.
2. Сборник, посвященный проф. Россомо.
3. № 1 к 1925 г. Сборника по санитарному просвещению.
4. Курьер. Санитарно-статистические таблицы, вып. 1.
5. Гамалея. Оспа и оспопрививание.
6. Таблицы по половому просвещению.
7. Труды 3-го маларийного съезда.
8. Справочник для участкового врача (вопросы здравоохранения в деревне).

ИМЕЕТСЯ НА СКЛАДЕ:

1. Альбом заразных болезней. Цена 5 руб.
2. Планы и таблицы. Санпрос. хар. по различным вопросам.
3. Популярная санитарная литература всех издательств.
4. Научная медицинская литература (учебники и специальные руководства всех издательств).
5. Комплекты журналов за прошлые годы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРКОМЗДРАВА:

1. Издает целый ряд медицинских журналов, отчетов съездов.
2. Принимает подписку на все периодические медицинские журналы в СССР.
3. Принимает на себя полное укомплектование библиотек Здравоотделов, больниц, диспансеров, амбулаторий и др. леч. заведений, домов санитарного просвещения, санитарного и участкового врачей, изб-читален, Ленинских уголков, фабрично-заводских клубов, библиотек профсоюзных, страховых и др. организаций, с соответствующим подбором изданий. Цена библиотеки от 10 р. и выше.
4. Выплавляет заказы на любую медицинскую книгу, в том числе, в СССР.
5. При заказах от 75 р. предоставляется советским и общественным организациям значительный кредит сроком до 5-ти месяцев.
6. Предоставляет максимальные скидки как на свои издания, так и на чужие.
7. Выплавляет заказы, бесплатной пересылкой, при получении стоимости требуемого.
8. Дает немедленно ответы на всякие запросы.
9. Организирует киоски медицинских изданий на съездах.
10. Принимает предварительную подписку на издания „Список врачей в СССР“, тираж кою ограничен. Цена издания по предварительной подписке 9 руб., по выходе в свет—10 руб.